

ТАТЬЯНА РУДЕНКО

МОДНЫЕ МАГАЗИНЫ и МОДИСТКИ МОСКВЫ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

ШЛЯПКА «ДЫМ ЛОНДОНА»
ШАРФ «БЕЗДНА ЛЮБВИ»
ЧЕПЧИК «А-ЛЯ КОМЕТА»
В МАГАЗИНЕ
«ХРАМ ВКУСА»

Татьяна Руденко

**Модные магазины и
модистки Москвы первой
половины XIX столетия**

«Центрполиграф»

2015

Руденко Т. В.

Модные магазины и модистки Москвы первой половины XIX столетия / Т. В. Руденко — «Центрполиграф», 2015

Настоящее краеведческое исследование посвящено модным магазинам и модисткам Москвы первой половины XIX столетия. Предпринята попытка обозначить наиболее известные имена мастериц и торговцев модами, контуры их судеб, характерные черты их деятельности, имена заказчиков. Представленные материалы относятся преимущественно к магазинам класса люкс, таким как фирмы Сихлера, Монигетти, Лебура, для которых возможно проследить примерный период существования магазина и получить представление об ассортименте. В работе использованы сведения из архивных документов, газет, журналов и городских справочников XIX века, отчетов московского обер-полицмейстера, очерков, дневников и воспоминаний современников, исследований по истории культуры и быта.

© Руденко Т. В., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Предисловие	7
«Брюно известен башмаками»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Руденко

Модные магазины и модистки Москвы первой половины XIX столетия

Художественное оформление Я.А. Галеевой

В оформлении переплета использована репродукция портрета княгини Натальи Степановны Голицыной художника Луи Эрсана

Предисловие

Первая половина XIX столетия прежде всего ассоциируется с именем А.С. Пушкина и золотым веком отечественной истории, периодом расцвета дворянской культуры. С портретов, выполненных выдающимися живописцами, на нас смотрят благородные мужи и их изящные современницы. Мы знаем, что в императорских резиденциях и дворянских домах устраивались великолепные балы, а образованные дамы объединялись в салоны для музицирования, чтения, обсуждения литературных и театральных новинок и светских новостей. Но чтобы позировать живописцу, блистать на балу, отправляться с визитами к тетушке, посещать музыкальный салон графини N., требуется подходящий туалет. И если о моде того времени можно судить по портретной живописи и по специальным изданиям, посвященным костюму, то на вопрос, где брали необходимую одежду, ответ найти гораздо труднее.

Изучение торговой жизни городов затруднено недостатком информации. История донесла до нас ряд адресов и имен торговцев, но подробности торговых операций, детали биографий, жизненные перипетии и уж тем более переживания, интересы и увлечения модисток и их ближайшего окружения не откроются нам уже никогда. Историки, изучающие деятельность и образ жизни купечества, постоянно сталкиваются с этой особенностью: «Главная трудность работы над историей купеческих семей заключается в том, что почти не сохранились (или еще не выявлены) их семейные архивы. В нашем распоряжении нет семейной или деловой переписки, мы не можем из первых рук узнать о суждениях этих людей, их оценках лиц и событий, об их пристрастиях и увлечениях»¹. Однако в отношении русского купечества это справедливо лишь отчасти, ибо существует ряд опубликованных мемуарных текстов², в музейных собраниях хранится многотомное эпистолярное наследие иных представителей купеческого сословия³, по различным архивам разбросаны купеческие дневники и воспоминания, и «как теперь выясняется, их число довольно значительно, по крайней мере, существенно больше, чем считалось ранее»⁴. Кроме того, характеристики русских купцов и оценку их разносторонней деятельности можно обнаружить в дневниках, воспоминаниях и переписке их современников. В то же время указанная трудность становится непреодолимой при исследовании жизни и деятельности иностранцев, работавших в России. Между тем некоторые иностранные торговцы и промышленники оставили воспоминания о своем пребывании в России, но многое из этого наследия продолжает оставаться неизвестным русскому читателю⁵.

Художественное и фотографическое наследие не богато изображениями лавок, по крайней мере, публикуются такие живописные автографы крайне редко. Неизвестны или не выявлены фотопортреты торговцев и мастериц, хотя во второй половине XIX столетия состоятельный горожанин вполне мог позволить себе фотокарточку. Кроме того, купцы вели торговлю в разных городах, выезжали на ярмарки и в курортные зоны

России, что увеличивает и усложняет область поиска. Также затруднительно проследить их дальнейшие судьбы и судьбы их потомков, ведь часть из них покинула Россию задолго до революции, дети же не всегда продолжали дело родителей, некоторые, получив образование, становились врачами, учителями, архитекторами. Дух московских торговых заведений и вовсе исчез, ибо большинство зданий, в которых помещались французские лавки, многократно перестроены в более поздние времена или снесены.

Рекламные объявления в газетах и журналах сами по себе не дают объективных представлений о качестве производимой одежды и круге покупателей, для прояснения этих вопросов необходимо учитывать отзывы современников. Различные фирмы проводили разную рекламную политику, причем некоторые успешные торговцы одеждой не слишком увлекались рекламой, – видимо, известность была столь широка, что не требовалось привлекать дополни-

тельного внимания публики. К таким мастерским прежде всего относится фирма Сихлера. Напротив, многочисленная реклама давалась мастерицами, изделия которых современники оценивали не слишком высоко; например, газеты из номера в номер сообщали о новинках и поставках в магазине Истоминой, но современница утверждала: «Не ищите здесь доброкачественности материала и элегантности форм»⁶. Одновременно Анжелика Фабр активно публиковала рекламу в газетах, при этом издатель одного из модных журналов рекомендовал ее магазин в числе «признанных общим мнением за первые»⁷.

Немногие упоминания о модистках, портных и торговцах модами в литературных текстах окрашены сарказмом и неудовольствием. Авторы пренебрежительно писали, что какая-нибудь Эмма Брульяр, модистка из Парижа, «выросла и была швейкою в Монбельяре, но за неимением там насущного хлеба вместе с прочей ватагой своих соотечественников прибыла в Россию для приобретения наших полновесных рублей. <...> Нужда приучила ее к экономии, а горе и скитальческая жизнь к кротости и терпению»⁸. Факт отсутствия свидетельств современников, видимо, объясняется двумя причинами: первая – обращение к модистке было повседневным явлением и не вызывало интереса мемуаристов, другая причина – мастерство швеи пользовалось большим спросом и часто хорошо вознаграждалось, но не уважалось обществом. В этом смысле интересно суждение С.П. Жихарева о мадам Дюпаре: «Я очень понимаю, что талантом можно возвысить свое положение в свете, и нимало не удивляюсь, если горничная, булочница или швея поступают на сцену, делаются актрисами или танцовщицами, но чтоб актриса, жена превосходного актера, обратилась добровольно в швею – этого постигнуть не могу. Однако ж пример перед глазами. Проезжая Кузнецкий мост, я заметил на доме Дюмутье новую вывеску: Nouveau magasin de modes – новый магазин мод госпожи Дюпаре, бывшей актрисы французского театра в Москве. Вот куда спустилась рыжая Арисия!»⁹

Впрочем, уже тогда деятельность модистки понималась как разновидность искусства. Газета «Молва» писала: «Настоящая модистка не работница, которая делает корсеты или вышивает на срок! Нет, она артистка, работающая свободно. Модистка есть поэт»¹⁰.

Работавшие в России французские модистки снабжали новинками императриц, спутниц и дочерей сановников, представительниц культурной элиты общества. Под руководством француженок постигали секреты мастерства русские женщины, со временем открывшие свои мастерские и передавшие полученные знания другим поколениям соотечественниц. Наконец, выставленные в витринах изделия воспитывали вкус у горожан, вызывая желание и у не очень состоятельной публики когда-нибудь приобрести что-то подобное. Кроме того, в швейных мастерских была занята значительная часть городского населения. Современный исследователь Е.В. Первушина именует их «городскими невидимками», руками которых «выполнялась значительная часть работы, требующейся для того, чтобы город функционировал. <...> Можно сказать, что их вклад в городскую жизнь был неоценим настолько же, насколько он недооценен»¹¹.

Для модной промышленности первой половины XIX века характерно ручное производство предметов одежды, швейная машинка появится только в 1851 году. На большинстве сохранившихся образцов костюма отсутствуют клейма производителей, лишь в некоторых случаях можно найти маркировку на обуви. Одновременно происходил рост городского населения, вместе с которым заметно расширилась сеть ремесленных мастерских. В царствование Николая I путем введения высоких таможенных тарифов существенно ограничился ввоз импорта, многие виды тканей и предметы одежды производились внутри страны. И наконец, к середине века модная одежда начинает, хотя и робко, выходить за рамки исключительно дворянского платья.

Настоящее краеведческое исследование посвящено модным магазинам и мастерским Москвы первой половины XIX столетия. Предпринята попытка обозначить наиболее извест-

ные имена торговцев модами и модисток, контуры их судеб, состав семей, характерные черты их деятельности, имена заказчиков. Представленные материалы относятся преимущественно к магазинам класса люкс, ибо упоминания о них встречаются в литературных памятниках, разнообразные сведения сохранились в архивных документах, а газетные рекламные объявления позволяют проследить примерный период существования магазина и в некоторых случаях дают представление о его ассортименте. Необходимые источники автор нашла в Государственной публичной исторической библиотеке и Центральном историческом архиве Москвы. Основные результаты поисков опубликованы в виде статей¹².

Автор выражает признательность коллективу «Московского журнала» и лично Анне Филипповне Грушиной и Александру Александровичу Белаю. Интерес редакции к теме исследования во многом способствовал появлению данной работы. Возникшие в ходе поисков вопросы привели автора к Галине Михайловне Чижовой (Российская государственная библиотека искусств), свободно владеющей обширной информацией о литературе по искусствам, костюму и смежным вопросам. Ее живое участие и поддержка не оставляли автора.

«Брюно известен башмаками»

Заботы о туалете – неотъемлемая часть нашего быта, они занимают в той или иной мере каждого человека. Занимали они и наших предшественников. Представительницы всех сословий стремились обладать богатым и неповторимым гардеробом. Например, в Воронежской области до революции иная молодая крестьянка могла иметь до двенадцати праздничных нарядов, и это не считая воскресных одеяний, причем иногда такие костюмы расшивались золотом¹³. Что уж говорить о горожанке, особенно если она обладала состоянием и положением в обществе.

В начале XIX столетия основными торжищами в Москве и Петербурге были Гостиные дворы, но существовали также и маленькие магазинчики. Дворянство нуждалось в изделиях высокого качества: приемы при дворе, балы, праздники, музыкальные вечера и спектакли, званые обеды, праздничные гулянья требовали от участников церемоний быть хорошо и в соответствии со случаем одетыми. Кроме того, в первой половине столетия наблюдался рост городского населения, вместе с которым неуклонно росло и количество модных магазинов. Московский справочник 1826 года содержит адреса 26 модных лавок, 7 магазинов разных вещей, 8 шалевых и 6 шляпных заведений¹⁴. В отчетах московского обер-полицмейстера за 1837 год показаны 57 модных магазинов¹⁵, за 1838 год – 89¹⁶, к январю 1839 года их стало 61, через год – 64¹⁷. В документах начала 1840-х годов отражены не магазины, а ремесленные мастерские по производству «дамских модных уборов» – таковых в 1841 году – 18¹⁸, в 1842-м – уже 38¹⁹, а в 1843-м – 84²⁰. Московский справочник 1868 года содержит адреса 74 модных магазинов, 67 белошвейных заведений и магазинов готового платья, 191 женской портнихи, к которым следует добавить несколько десятков мануфактурных и галантерейных магазинов²¹.

Петербургская торговая сеть была заметно шире московской и уже в 1820 году охватывала 60 модных магазинов и 70 «галантерейных и разных духов магазинов»²². Городской указатель на 1823 год содержал адреса 40 модных магазинов, к которым следует добавить 23 магазина разных вещей, 6 шалевых, а также магазины перьев и искусственных цветов²³. Петербургский обер-полицмейстер сообщал о 118 модных магазинах в 1836 году²⁴. В последующие годы их количество почти не изменилось, в 1837 году – 122 магазина²⁵, в 1838 году – 119²⁶, в 1839 году – 121²⁷. Но по оценке очевидца, это «не мало! Особенно, если принять в соображение, что сюда не отнесены модные лавки Гостиного и Апраксина дворов, которые снабжают плащами и шляпками франтих низшего этажа»²⁸.

Под магазином разных вещей надо понимать универсальный магазин, пример такого заведения – Английский магазин Никольса и Плинке в Петербурге, основанный в 1789 году и располагавшийся на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. Здесь продавали бриллианты, золото, серебро, бронзу, стальные изделия, разнообразные ткани, кружева, кисеи, шинели, плащи, шляпы для дам и мужчин, готовое платье, принадлежности дамского и мужского туалета, дамские уборы, косметику, хрусталь, кожаные чемоданы, ковры, охотничьи ружья, вина «и даже салат в банках!»²⁹.

Обозреватель газеты «Северная пчела» отметил сходство и различие двух столиц: «Кузнецкий мост в полном блеске: пропасть магазинов всякого рода, модных лавок; тут можно в один день истратить бездну денег. Великолепных магазинов, какие нередки у нас в Петербурге, там нет; помещение тесно, комнаты темны и низки, но товары группированы изящно и продаются так же дорого, как в Петербурге. В последнем Кузнецкий мост не отстаёт от Невского проспекта»³⁰. Екатерина Свербеева, прибыв в столицу, записала в дневнике: «Были в несколь-

ких магазинах, великолепен Английский магазин, говорят, один из лучших в Европе, вся роскошь города – в магазинах, цены такие же как в Москве, выбор – намного лучше»³¹. Однако, по наблюдению иностранных путешественников, петербургские магазины уступали европейским, вот, например, замечание англичанина, посетившего Россию в 1829 году: «Петербургские магазины не столь приметны, как лондонские, не столь богат в них и выбор товаров»³².

Тем не менее столичная торговля предлагала богатейший выбор товаров, в том числе по качеству и по цене. Посетителей манили затейливо оформленные витрины, учтивое обслуживание и комфортный интерьер. Провинциалка писала подруге из Петербурга: «Ничто не может сравниться с богатством здешних магазинов! Здесь собрано всё, что вкус и мода изобрели в Париже и Лондоне, всё, что может удовлетворить желаниям, прихотям...»³³ Литературная героиня Софья Николаевна Раховская посещала «большую приемную залу m-me Обон, с громадными шкапами, где помещались модели, и с столами, заваленными теми удивительными материями и отделками, каких кроме нее ни у кого нельзя было найти в Петербурге»³⁴.

Русские купцы открывали модные магазины в Гостином дворе, и в середине века лучшие из них уже мало отличались от салонов иностранцев: «Святилище мод устроено по всем правилам изящного вкуса: везде зеркала, направо и налево, даже под вами самый пол может, в случае надобности, служить зеркалом. Всюду видите вы, в шкафах и вне шкафов, предметы дамских нарядов, которых названия может удержать голова, одаренная редкою памятью. И вот, среди всего этого, вы видите человек пять или шесть прикащиков, одетых по последней картинке лучшего парижского журнала мод.

Это не то что обыкновенные прикащики каких-либо других торговых заведений, нет, это скорее артисты, которые собрались сюда играть каждый свою роль с покупателями и покупательницами. Какая в этих молодых людях ловкость, сметливость, предупредительность; а разговор, несбивчивый на полпаузы, так увлекателен, что может быть взят в пример всяким светским человеком.

С 10 часов утра и до 9 вечера они без усталости на ногах. Все, что они в течение дня наговорят и переслушают, могло бы всякому другому вскружить голову»³⁵.

Варвара Петровна Шереметева, погрузившись в водоворот столичной жизни, активно посещала модные лавки и неоднократно делилась впечатлениями: «Была сегодня в башмачном магазине, купила себе белые туфли, магазин великолепен. Миллионы пар сделаны на все фасоны и всех цветов. Фасоны очень хороши и не так уже дорого. <...> Мне доставило большое удовольствие в этом магазине видеть русского купца с бородой – его хозяина, и все мальчики тоже одеты там по-русски»³⁶. А вот еще примечательная запись: «Нет ничего более красивого, чем модная лавка m-me Xavier»³⁷. Я, которая не могу там покупать, хожу туда смотреть»³⁸.

Обилие товаров и вывесок, оживленность и разнообразие картин на центральной улице столицы находили отражение в литературе, сохранилась поэтическая зарисовка Невского проспекта середины столетия и одновременно путеводитель по всем его достопримечательностям:

Как струнка улица прямая,
Верст семь с начала и в конец;
А ширина-то уж какая:
Для всех проспектов – образец!
И здесь, я вам скажу не ложно,
Нельзя нужды ни в чем терпеть;
И не сходя с проспекта, можно,
Чего захочешь – все иметь.
Все что угодно – под руками:
Зубным нет счету докторам,

Ступите шаг и, перед вами,
Уж магазин для модных дам.

.....

Все здесь с изяществом, все с тоном,
Во всем здесь виден светский быт.
А вот модистка и с картоном,
С наколкой новою спешит.
Столичный фронт в усах, с очками
За шляпкой гонится порой,
А вот почти что перед нами
Гусар несется молодой.
Для многих Невский – разоренье!
Последний грош идет ребром,
Иной убьет свое имя
За честь считаться невским львом.
Лихач его развозит всюду, —
Одет по моде, раздушен;
Везде сорит он денег груды,
И все ж по-моему – смешон!
Видал я многие примеры,
Как часто этакой герой
Кутит год, два, не зная меры,
А там идет почти с сумой.

.....

Назавтра те ж опять картины,
Зачем мне снова повторять;
Так поглавнее магазины
Хочу на Невском описать:
Что дом, то вывесок без счету
Размещено по всем местам.
Купить имейте лишь охоту.
Вот шляпы, чепчики для дам.
И этим Вихман щеголяет,
Трепхан³⁹ и Крюгер⁴⁰, Кеньереш,
По моде Тринклер⁴¹ одевает.
А вот токарь известный Эш.
На все французы очень тонки,
Во всем у них изящный вкус;
У Пельц⁴² же чудо амазонки,
У Ад – прелестнейший бурнус.
Брюно известен башмаками,
По всей столице, с давних пор,
Но, верно, знаете вы сами,
Что это правда, а не вздор.

Так и хвалить мне стать какая,
Скажу об нем лишь я одно:
Что, дамской обувью снабжая,
Всем услужить готов равно⁴³.

Лучшие московские магазины одежды, обуви и аксессуаров обосновались на Кузнецком Мосту и в прилегавших к нему улочках, а также на Тверской улице, Петровке, в переулках между улицами Тверской и Большой Дмитровкой. По свидетельству современника, на Кузнецком Мосту «все стены домов почти завалены... картинками модной промышленности; но и в других местах нередко встретите подобные вывески. <...> Вывески модисток имеют различную форму, но по большей части являются четырехугольные продолговатые, и обыкновенно на одной стороне листа изображается салоп, а на другой платье; в середине же на маленьком столике, или на подставке чепец, или два, а иногда вместо этого корсет со всем прибором, т. е. с костями и шнурками. <...> Надпись обыкновенно изображается внизу или наверху вывески: на некоторых можете видеть слова: Модный магазин, такой-то, а на других просто имя и фамилию содержательницы, с прибавлением слова Modes. Весело смотреть на вывески модисток, особливо, когда вспомнишь, что предметы этой промышленности выходят из рук хороших швей. И в самом деле, кто из москвичей не знает швей Кузнецкого моста!.. Проходите мимо любого магазина, взгляните в окно, и вам представится группа сидящих швей, занятых своею работою.»⁴⁴

К середине века в иных магазинах имелось по несколько торговых залов: например, в модном магазине «Ревель» (Кузнецкий Мост, дом князя Голицына) «в первой комнате торговали различным товаром, во второй готовыми дамскими верхними платьями, а в третьей принимались заказы на остальной женский туалет»⁴⁵.

Модные магазины, деятельность которых можно считать успешной, существовали около 25–30 лет. Фактически это период физической и социальной активности индивидуума или одного поколения, сравнимый с современным стажем работающего человека. Назовем некоторые популярные фирмы.

Мастерская дамских нарядов на Кузнецком Мосту в доме Бекерса, принадлежавшая француженке Виктории Андреевне Лебур¹, воистину долгожительствовала. Ее активность в Первопрестольной прослеживается с декабря 1804 года, когда торговка модами дала объявление на французском языке в газете «Московские ведомости» об открытии магазина, в котором продавались чепчики, шляпки, кружева, прочие предметы одежды и бижутерия по фиксированным ценам⁴⁶.

¹ Или Лебург, от фр. Lebourg. (Здесь и далее примеч. авт.)

Реклама из книги «Казань в ее прошлом и настоящем» Составил М. Пинегин. СПб.: Издание книгопродавца А.А. Дубровина, 1890

В эти же дни Московский городской магистрат рассматривал ее прошение в «московское купеческое звание временно записать»⁴⁷. Нам не удалось установить, как это купеческое семейство проживало осень 1812 года, когда Наполеон занял Москву. Лавка возобновила работу в октябре 1813 года, о чем писала современница: «...я отправилась на Кузнецкий в бывший магазин М-ле ле-Бур. С улицы он был заперт и видом своим напоминал заколдованный замок. Старый Аркадий, наш верный слуга, походив по двору, доложил мне, что можно войти со двора. Я пошла вслед за ним; мы попали в темный коридор, где столкнулись с какой-то личностью, спросившей нас, что нам нужно. Я объяснила, в чем дело, и мне отвечали, что все вещи уложены, магазин переезжает в другое место, через несколько дней он будет открыт, тогда я могу пожаловать за покупками»⁴⁸.

В отличие от большинства коллег по цеху, объявлявших себя купцами 3-й гильдии на протяжении всей своей деятельности, Виктория Андреевна умножала капитал. В середине 1810-х годов она – купчиха 3-й гильдии⁴⁹, в 1830-х годах – 2-й гильдии⁵⁰, в 1840-х – 1-й гильдии⁵¹. В 1848 году семейству пожаловано потомственное почетное гражданство. К началу 1840-х фирма Лебур представляла собой настоящее промышленное предприятие, в котором числились 43 работника и 37 учеников⁵². Виктория Андреевна умерла 30 апреля 1854 года в возрасте 80 лет, она упокоилась на Иноверческом кладбище на Введенских горах⁵³. В торговых делах ей помогали дочь Луиза и сыновья Гаврила и Карл, которые продолжили семейное дело после смерти матери. По сведениям Московской торговой депутации, в 1860 году «почетная гражданка московская 2-й гильдии купчиха Елизавета Константинова Лебур. на Кузнецком мосту в вотчине Бекерса производит торговлю модными уборами и тут же имеет сих уборов заведение², на котором находится 1 мастерица и 20 учениц, тем и другим заведует сама и пока-

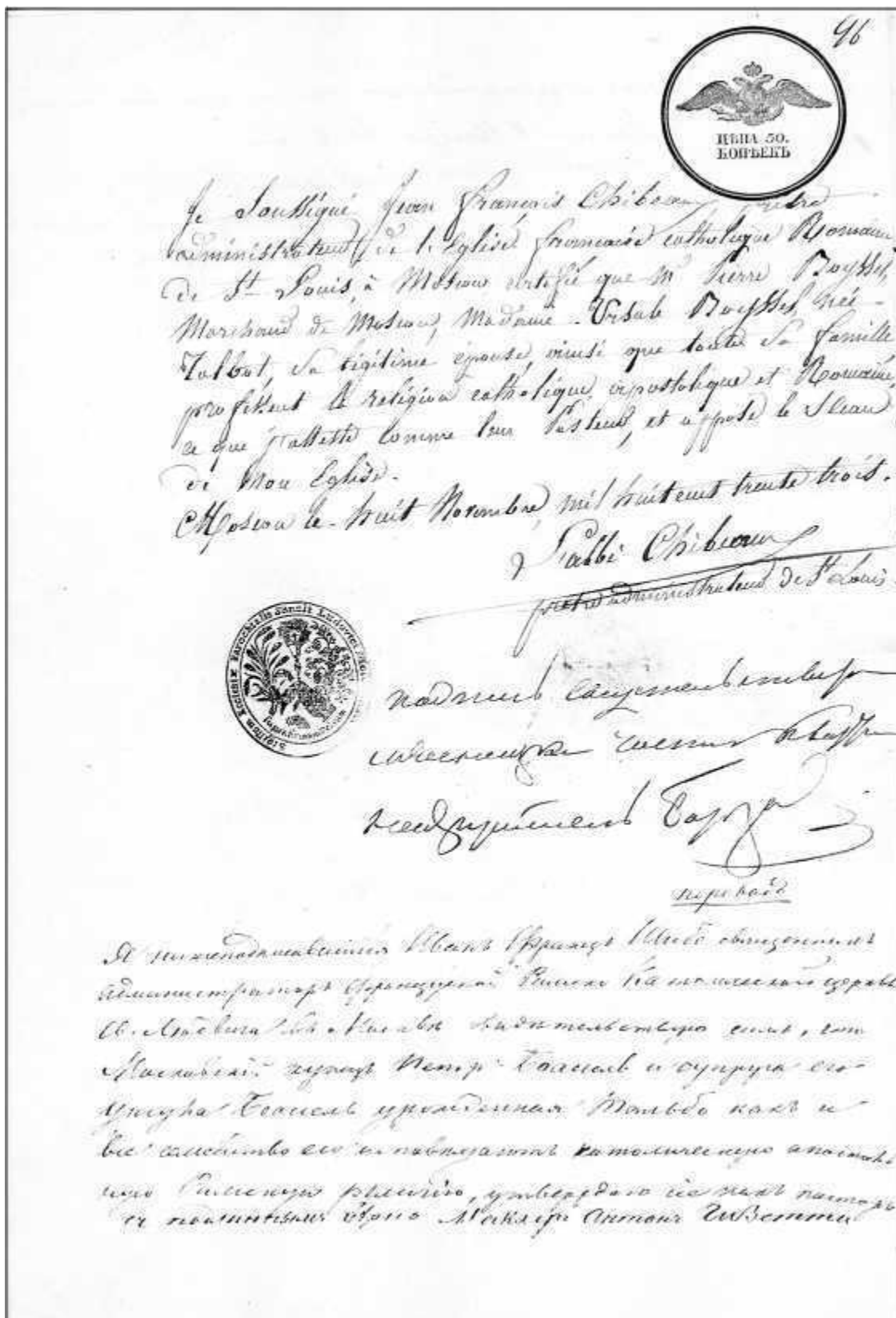
² То есть мастерскую.

зана живущею в сем доме», одновременно она содержала в Тверской части в доме Кожина гостиницу «Север»⁵⁴.

Реклама модного магазина Виктории Лебур из городского справочника на 1853 г.

Однако в своем объяснении Елизавета Константиновна сообщила следующее: «В Тверской части в гостинице в доме Кожина при торговле нахожусь сама. <...> В Мясницкой части в модном заведении в доме Беккерс, которое мною ныне уже прекращено, торговлю производит состоящая в одном со мною капитале родного брата моего Карла усыновленная дочь девица Виктория»⁵⁵. Об этой девице Виктории Киньон мы скажем подробнее ниже. Семья Лебур значится среди прихожан церкви Святого Людовика на Малой Лубянке⁵⁶.

Свидетельство, выданное купцу Петру Буасселю о том, что он и все его семейство исповедуют католическую апостольскую римскую религию. 1833 г.

В доме Всеволожского на Кузнецком Мосту около четверти века держал модный магазин Петр Иванович Буасель³ с супругой Урсулой Ивановной (урожденной Тальбо⁵⁷). Петр Иванович – дамский портной мастер⁵⁸. Самая ранняя обнаруженная нами реклама их ателье относится к 1814 году, а городской справочник 1839 года упоминает о мастерской дамских уборов Урсулы Ивановны⁵⁹. К 1839 году относится переход Петра Ивановича из московского в воронежское купечество⁶⁰, тем не менее торговцы не покинули Москву, семейство Буасель в 1843 году значится среди прихожан церкви Святого Людовика⁶¹.

Урсула Ивановна и Петр Иванович вырастили троих детей: сына Карла, дочерей Марью и Евгению⁶². Карл, «находясь у родителя... занимался... при пособии наемных учителей латинским языком и протчими предметами», в 1831 году в возрасте 17 лет поступил в московское отделение Медико-хирургической академии, «по малоуспешности к наукам» был оставлен на второй год в первом классе и в 1833 году подал прошение об увольнении из числа учеников «по расстроенному своему здоровью»⁶³. Через год он выдержал экзамен на знание французского языка – и Училищный комитет Императорского Московского университета выдал ему свидетельство, дававшее право «с пользою обучать первым началам онаго языка в частных домах»⁶⁴. С 1837 года Карл Петрович состоял в звании домашнего учителя⁶⁵. О педагогических трудах Карла ничего не известно, но сохранился документ, свидетельствующий о серьезных проблемах с его здоровьем и склонности к горячительным напиткам⁶⁶. В 1843 году он помещен в Московский комитет о просящих милостыню.

Не менее четверти века существовала мастерская Аделаиды Степановны Менне⁴. В 1826 году «портная, бывшая в магазине Латрель на Кузнецком мосту... открыла под именем Адель Менне лавку для шитья женских платьев»⁶⁷. Ее заведение существовало по крайней мере до 1849 года⁶⁸. Аделаиде Степановне помогала дочь Матильда, муж Аделаиды Марк торговал шляпами и товарами для военных. Аделаида Менне с детьми Франсуа, Матильдой и Викторией значатся среди прихожан церкви Святого Людовика⁶⁹. Мадам Менне дожила в Москве до глубокой старости и умерла 29 декабря 1884 года в возрасте 82 лет, ее похоронили на Иноверческом кладбище на Введенских горах. Матильда упокоилась рядом с матерью в 1892 году⁷⁰.

Анжелика Фабр (Fabre) торговала модами не менее трех десятилетий; крайние даты ее рекламы, обнаруженной нами, относятся к 1837 году, когда она перевела свое заведение в дом генерала Самарина в Газетном переулке, и к 1868⁷¹ году. В марте 1855 года модистка предлагала «хороший выбор траурных шляп»⁷², что, вероятно, связано с трауром по императору Николаю Павловичу. О семье этой французской подданной ничего не известно, газеты сохранили упоминание о Сесилии Антуанете Генриетте Фабр⁷³, кроме того, в начале 1853 года рядом с ее мастерской «Г[осподин] Фабр. открыл новое дагерротипное портретное заведение»⁷⁴.

Немногим больше можно сказать о семейной паре Дени (Denis). Эта чета, как и еще несколько супружеских пар (модистка Лангле и парикмахер Лангле, их коллеги чета Ларю), работали, так сказать, в смежных «отраслях»: муж занимался парикмахерским мастерством, а жена производила дамские головные уборы. По сути, супруги дополняли друг друга. Парикмахер Жан Луи Дени появился в Москве около середины 1830-х годов⁷⁵, а в 1841 году Александрина Дени открыла салон дамских шляпок. Согласно переписи 1850 года, Жан Луи, имея от роду 40 лет, числился купцом 3-й гильдии Гостиной слободы, получившим российское под-

³ Боассель, в некоторых документах – Баусель.

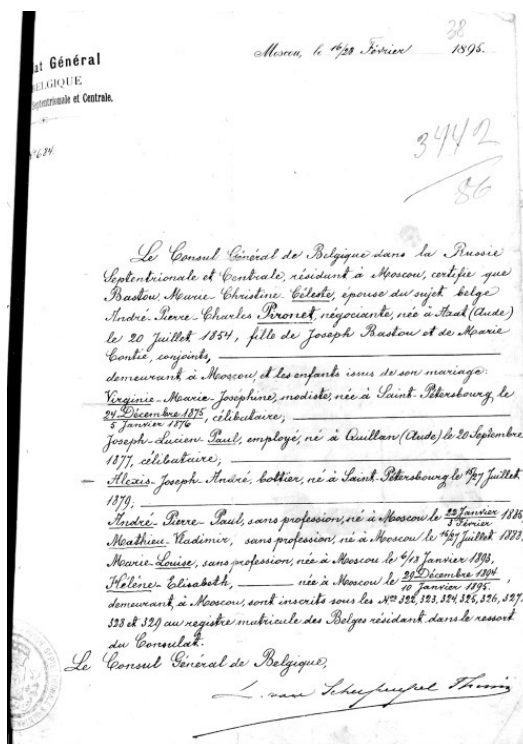
⁴ Adele Mennet (фр.).

данство в 1845 году. Он состоял в браке с Александрой Михайловной 38 лет и имел семилетнюю дочь Хионию. Жан Луи – католик, жена и дочь – православные⁷⁶. Открывая мастерскую, шляпница сообщала, что она пользовалась «уроками в самых первых модных магазинах Парижа»⁷⁷. Последнее вместе с православной верой может означать, что Александра Михайловна происходила из русских, познакомилась с французом Дени в Москве и вышла за него замуж, а он отправил ее на «стажировку» в Париж. Судя по газетной рекламе, шляпная мастерская существовала до конца 1850-х годов⁷⁸.

Каждый горожанин нуждался в добротной обуви. Современник писал: «Если желаете иметь хорошо обутую ногу, идите на Кузнецкий мост к Брюно, Пиронету, на Дмитровку к Такке; какой бы вы ни были пешеход, три пары их сапог на год будет достаточно»⁷⁹. Эти мастера обслуживали как мужчин, так и дам. Бельгийские подданные Пироне производили обувь в Москве с 1830-х годов, их адрес – дом военных кантонистов позади Малого театра⁸⁰. Карл и Матвей Пироне – прихожане католической церкви Святого Людовика на Малой Лубянке⁸¹. К началу 1860-х годов фирма Пироне арендовала помещения на Тверской улице, в доме Попова, затем в доме Голяшкина и являлась поставщиком герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого⁸². В 1870 году мануфактурист задумал расширить производство, преобразовав мастерскую в фабрику. В заключении Мануфактурного совета говорилось, что заведение Пироне «помещается в двух комнатах дома Сычева при магазине Пироне. Рабочих при заведении 20 человек, в том числе мастеров 12 и учеников 8; помещения рабочих удобны. Сверх означенных рабочих на заведение Пироне работают живущие на стороне мастера числом около 20 человек. При заведении имеются 4 швейные машины и 1 для привинчивания подошв к обуви. Ежегодно готовится разнообразной обуви мужской и женской чистой отделки на сумму около 40 000 р. с.»⁸³. Купец 2-й гильдии 53-летний Матвей Пироне продолжал торговать обувью в доме Сычева на Тверской улице в середине 1870-х годов⁸⁴.

В 1895 году бельгийское консульство выдало свидетельство Марии Кристине Селесте Басту о том, что она состояла в браке с бельгийским подданным Андреем Пьером Шарлем Пироне и имела детей: Виржинию Марию Жозефину (родилась в 1875 году в С.-Петербурге, модистка), Жозефа Люсьена Поля (родился в 1877 году, служащий), Алексея Жозефа Андре (родился в 1879 году в С.-Петербурге, башмачник) и родившихся в Москве Андре Пьера Поля (1885), Матье Владимира (1888), Мари Луизу (1893) и Элен Элизабету (1894)⁸⁵.

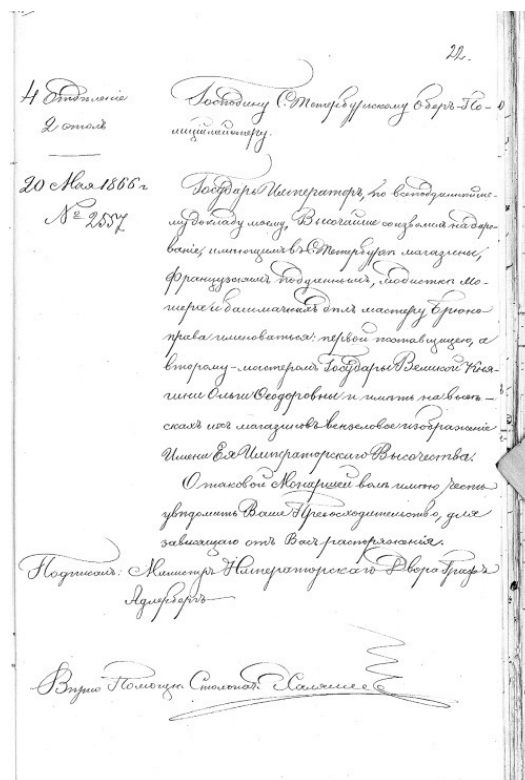
Жители обеих столиц хорошо знали изделия башмачника Якова Ивановича Брюно. В 1831 году его петербургский магазин располагался в доме графа Модена у Казанского моста⁸⁶. В том же году газета «Московские ведомости» уведомляла, что «башмачный мастер их императорских высочеств великих княгинь Елены Павловны и Анны Павловны... перевел заведение свое из С.-Петербурга в Москву, которое находится близ Кузнецкого мосту в Софийском переулке в доме военных кантонистов, при сем объявляет иногородним особам, что его заведение не находится более в С.-Петербурге под его именем, и просит покорно адресоваться в Москву по вышеписанному адресу»⁸⁷.

Свидетельство, выданное Андрею Пьеру Шарлю Пироне и его жене об их детях

В 1840-х годах в числе прихожан московской церкви Святого Людовика значился Яков Брюно и его семеро детей: Христина, Генрих, Франциск, Людовик, Георг, Шарлота, София; дочь София – учительница⁸⁸. В 1859 году московский магазин расширился и переехал на Тверскую улицу в дом Манухина, теперь им владели брат и сестра Брюно, дети бывшего хозяина⁸⁹. Сестра – по-видимому, Христина Брюно, и ранее активно помогавшая родителю в его коммерческих делах⁹⁰.

Привилегированный башмачник между прочим предлагал «новоизобретенную обувь из чрезвычайно тонкой кожи белого бобра, надеваемую под чулки, потому что она, согревая ноги, в то же время предохраняет их от сырости»⁹¹. Особенно хороши были брюновские полусапожки. Иногородние покупательницы высылали свои башмаки, по которым им и выполняли заказы.

Высочайшее соизволение на дарование права башмачнику Брюно именоваться мастером великой княгини Ольги Федоровны. 1866 г.

Мастерская Брюно на протяжении нескольких десятилетий поставляла свои изделия Романовым. Однажды в его магазине приобрели готовую обувь для Николая I, покупка обошлась в 42 руб. 90 коп.⁹² Разнообразные вещи шились для супруги Александра II императрицы Марии Александровны. В период беременности ноги великой княгини сильно опухали, и «надо было заказывать ботинки и калоши огромных размеров; калоши были ей невыносимы, тяготили и жали ноги. М-ме Брюно (башмачница) умудрилась делать ей калоши из перчаточной кожи на очень легкой и мягкой подкладке; конечно, гуляя в дождь и по топким дорожкам, не окорачивая платья и юбок, великая княгиня возвращалась с прогулки в таком виде, что надо было не только переодеться... калоши размокали и представляли нечто мягкое и неуловимо скользкое, а красная подкладка окрашивала и ботинки и чулки; всю эту обувь едва можно было стянуть с ног. Вследствие всего этого, ботинки и калоши заказывались дюжинами; калоши служили только на одну прогулку»⁹³.

В 1856 году учреждено звание поставщика императорского и великокняжеских дворов. В их число попадали производители ювелирных изделий, предметов роскоши, мебели, одежды и обуви, парфюмерии и косметики, продуктов питания. Для ремесленника или фабриканта получить такое престижное звание было большой удачей. Поставщики императорского двора изготавливали необходимые вещи и для повседневности и для торжественных случаев в жизни монарших особ. К ним поступали ответственные заказы при подготовке коронационных торжеств и приданого великих княжон.

В рапорте шталмейстера двора великого князя Михаила Николаевича действительного статского советника Грота от 26 апреля 1866 года говорится: «За отличное исполнение заказов государыни великой княгини Ольги Федоровны имеющими в Санкт-Петербурге магазины французскими подданными модисткою Мошера и башмачных дел мастером Брюно, ея императорское высочество соизволила изъявить свое согласие на пожалование им права именоваться первой – поставщицею, а второму – мастером ея высочества и украсить магазины их вензе-

левым изображением государыни великой княгини»⁹⁴. Согласие великой княгини еще требовало «высочайшего» утверждения, впрочем, и оно было получено. Кроме того, «в декабре 1865 г. государь император изволил разрешить башмачному мастеру Якову Брюно именоваться башмачным мастером государыни великой княжны Марии Александровны, с правом иметь на вывеске сего заведения вензелевое изображение имени ея императорского высочества»⁹⁵.

Но на этом амбициозный ремесленник не остановился, а задался целью добавить на свою вывеску вензель цесаревны Марии Федоровны, жены будущего

Александра III. Секретарь цесаревны рапортовал министру императорского двора 4 ноября 1869 года: «Корсетница Гюссон и башмачник Брюно обратились к государыне великой княгине цесаревне с прошениями о дозволении им именоваться поставщиками ея императорского высочества и иметь на вывесках изображение имени ея высочества.

Государыня цесаревна, имея в виду, что подобная милость, на основании принятого правила, оказывается только тем лицам, которые поставляли свои изделия ко двору не менее 8 лет, а потому не принимая на себя ходатайства по означенным просьбам, повелеть мне изволила довести об оных до сведения вашего сиятельства и присовокупить, что ея высочество с своей стороны соизволяет на эти просьбы во внимание к вполне добросовестному исполнению заказов делаемых со времени прибытия ея высочества в Россию как корсетницы Гюссон⁹⁶, так и башмачнику Брюно, из коих первая имеет уже счастье именоваться поставщицею ея императорского величества, а второй – поставщиком государыни великой княжны Марии Александровны и государынь великих княгинь Александры Иосифовны, Ольги Федоровны и Елены Павловны»⁹⁷.

Брюно проживали в России и в конце столетия. В делах Иностранного отделения канцелярии московского генерал-губернатора сохранилась выписка, согласно которой бельгийский подданный Александр Федорович Брюно католического вероисповедания и законная его жена Екатерина Михайловна Брюно православного вероисповедания имели сыновей Владимира 1882 г. р., Николая 1883 г. р., Сергея 1884 г. р. и Михаила 1886 г. р. Восприемницей младенцев значится бельгийская подданная Анна Андреевна Брюно⁹⁸. У петербуржцев в конце столетия пользовался известностью шляпный магазин Л. Брюно на Невском проспекте⁹⁹. В те же годы в Казани существовали библиотека и магазин музыкальных инструментов и нот И.Ф. Брюно¹⁰⁰.

Качественные дамские башмаки изготавливали в мастерских Даниила и Александра Зарманов (Царманов)¹⁰¹. В газете 1835 года читаем: «Дамский башмачник, мастер Даниил Зарман, недавно приехавший из Лондона, где он работал всякого рода дамскую обувь новейшего фасона для знатных особ, равно как в Париже и Берлине и здесь имевший магазин свой на Кузнецком мосту в доме Черткова, ныне производит мастерство свое в Газетном переулке в доме купца Живаго, где у него находится довольно количество означенной работы в готовности, также и на заказ делают башмаки из золотой кожи»¹⁰². В 1837 году Даниилу Царману дозволено иметь на вывеске надпись «Башмачный мастер ея императорского высочества великой княжны Марии Николаевны»¹⁰³. В 1840 году у московского мещанина Даниила Зармана, работавшего в доме Евдокимова, служило 4 работника и 11 учеников¹⁰⁴. По ведомости 1846 года, в доме купца Алексея Тверской части «рижский гражд[анин] Александр Зарман» занимался сапожным и башмачным ремеслом с 7 работниками и 9 учениками¹⁰⁵. По этому же адресу «московский] мещанин и временно московский 3 гил[ьдии] куп[ец] Леопольд Зарман» руководил портным мастерством, имея в подчинении 16 работников и 8 учеников¹⁰⁶. По крайней мере, пара дамских полусапожек, выполненных в мастерской кого-то из Зарманов, сохранилась в фондах Государственного исторического музея. В середине 1870-х годов в Первопре-

стойной проживали три купца 2-й гильдии с той же фамилией – мужской портной Николай Зарман работал в доме Солодовникова Мясницкой части, там же жил и имел мастерскую мужской портной 23-летний Константин Леопольдович Зарман.

Высочайшее дозволение Царману иметь на вывеске надпись «Башмачный мастер великой княжны Марии Николаевны». 1837 г.

Леопольд Александрович Зарман 57 лет жил и возглавлял заведение по производству мужской одежды в доме Иосифовского подворья на Ильинке¹⁰⁷.

Помимо портных, модисток, корсетников, перчаточников, белошвеек, обувщиков и парикмахеров в индустрии моды работало множество других ремесленников. В XIX веке дамы любили украшения из волос. И в Москве проживала мастерица, «производящая разное волосное рукоделье», а именно: серьги, браслеты, кольца, кресты, цепочки для медальонов и другие изделия «по востребованию». По желанию заказчика вещь помещалась в золотую оправу. Мастерица не оставила нам своего имени, мы только знаем, что она приглашала своих потенциальных заказчиков на Тверскую улицу в дом Демидова, на углу Газетного переулка¹⁰⁸. Дамские наряды и прически требовали разнообразных украшений, например перьев или искусственных цветов. Изготовлением и размещением таких композиций занимались в специализированных мастерских. Искусность этих мастериц ценилась не меньше таланта ловкой закройщицы, ведь аляповатая аппликация портила самое изящное изделие. В журналах писали: «По наколке пера можно судить о вкусе той, которая носит шляпку, и той, которая его накалывала»¹⁰⁹.

Искусственные цветы обильно украшали платья, головные уборы, прически и даже шубы дам. Участница губернского дворянского бала «Людмилочка, беленькая, нежная блондинка, с голубыми глазами, была в белом *tulle d'illusion* платье, подхваченном букетами из незабудок; гирлянда из тех же цветов была приколота на ее пышно взбитые локоны»¹¹⁰. Дочь вице-президента Академии художеств Марию Федоровну Толстую впервые вывели в петербургское Дворянское собрание в похожем наряде – «платье из тюль-иллюзион на белом атласном чехле с букетами бело-розовых яблочных цветов, – просто, молодо и мило»¹¹¹.

Покрой платьев и формы шляп менялись не так быстро, и вся новизна туалета определялась отделкой. Каждую неделю приходили известия о новых цветочных композициях. В марте 1831 года «Северная пчела» рекомендовала читательницам «шелковые шляпки лимонного или соломенного цвета с букетом фиалок, который утверждается наперед шляпки наверху, как помпон на кивере»¹¹². Об изощренности подобных украшений можно судить по следующему сообщению: «В цветочных магазинах делают розы, на которых видно несколько капель росы... они при свечах блестят, как алмазы. Эти розы в большой моде»¹¹³. Помимо цветов имитировали различную растительность, например, «на многих шляпках видны букеты из дубовых листьев с желудями»¹¹⁴. Цветочницы «ваяли» веточки акации, ивовые, сиреневые и каштановые ветки, виноградные гроздья с зеленой и без зелени, камыш, плоды олив, слив, черешен, золотые и серебряные колосья.

В Москве производством искусственных цветов не менее полувека занималась семья де Ладвез. В 1820 году «Московские ведомости» объявляли: «На углу Рождественки, против Косметического магазина и Медико-Хирургической академии, в доме Маскле, под № 448, в модной лавке получены из Парижа шляпки новейшего фасона, также цветы разного сорта в самом лучшем последнем вкусе. Гг. желающие могут адресоваться к Елисавете Степановне Ладвес»¹¹⁵. В той же газете за 1832 год читаем: «В цветочном заведении г-жи Де Ладвез, состоящем на Петровке в доме Мельгунова, делаются цветы из соломы, самых последних фасонов»¹¹⁶. В первой половине 1870-х годов в Управлении императорскими московскими театрами служила цветочницей Елизавета Алексеевна де Ладвез, она проживала на Петровке в доме Пенского¹¹⁷.

Основательницей цветочной фирмы, по-видимому, надо считать Елизавету Розалию де Ладвез (*Elisabeth-Rosalie de-Ladeveze*, 6 апреля 1784 – 3 февраля 1845)¹¹⁸. Она состояла в

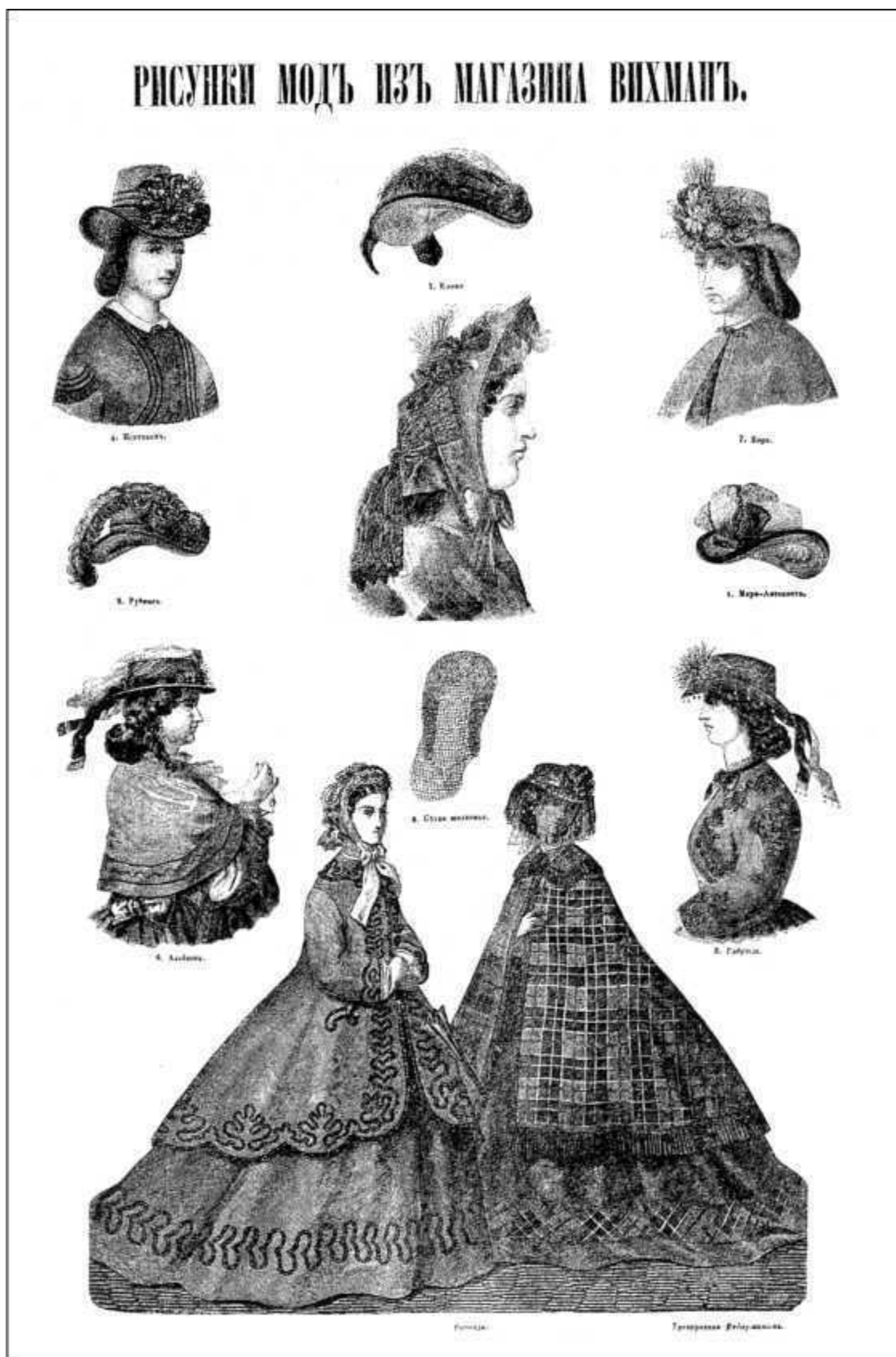
браке с Франсуа-Бернардом де Ладвезом (Francois-Bernard de-Ladeveze, 24 декабря 1756 – 2 сентября 1846). В московских адрес-календарях упоминались их сыновья – подпоручик Петр Францевич¹¹⁹ и учитель I кадетского корпуса Андрей Францевич де Ладвез (14 октября 1807 – 26 июня 1857)¹²⁰. Отставной подпоручик Михаил Францевич де Ладвез служил у московского гражданского губернатора, он владел домом на Патриарших прудах¹²¹. Михаил Францевич славился цыганской пляской на танцевальных вечерах в Рязани в начале 1850-х годов. Мемуарист писал о нем: «Сын старого французского эмигранта, жена коего долго имела фабрику и магазин искусственных цветов в Москве на Петровке. <...> Этот Ладвез служил прежде в армейской пехоте и женился на девушке с порядочным состоянием. Один из его братьев, ученик Петербургской Академии художеств, вышел талантливым живописцем»¹²². Художником стал Стефан (Степан) Францевич де Ладвез (1817–1854/55), рано проявивший способности к искусству. Его определили в Академию художеств, где уже в 1835 году он получил 2-ю серебряную медаль за рисунок, работал в Италии, в 1853 году удостоился звания академика¹²³.

Наиболее активные и успешные торговцы имели лавки и магазины в нескольких городах страны, петербургские купцы чаще всего устремлялись в Москву, московские же отправлялись в другие губернии. Как сказано выше, семейство Брюно торговало обувью в обеих столицах.

В начале 1820-х годов в Москве на слуху была модная торговка мадам Мегрон, но еще в 1818 году в столице – в доме Косиковского на Большой Морской улице – открыл модный магазин господин Мегрон, разумеется «прибывший сюда из Парижа»¹²⁴. Мария

Филипповна Дюлу с 1810-х годов держала модный магазин и винную лавку в Первопрестольной, в середине 1820-х имела «торговую точку» в Орле¹²⁵, а из переписки современников известно о существовании модного магазина Дюлу в Киеве.

Еще одно имя, знакомое жителям обеих столиц, – Вихман. В 1828 году «Петербургские ведомости» сообщали: «Готовые соломенные шляпы дюжинами и по отдельности разного фасона, а также и итальянские всех номеров можно получать и отдавать их мыть, по Демидову переулку в доме Линке, Софье Вихман»¹²⁶. В 1830-х годах модный магазин Вихман располагался по адресу: Невский проспект, 69¹²⁷. Справочник 1858 года сообщает: «Диль, Луи Эме. [Купец 3-й гильдии.] Имеет модный магазин под фирмою «Софья Вихман», 3 ч[асть] 1 кв[артал] в д[оме] Медникова. Жительство там же»¹²⁸. В 1848 году в Москве на Тверском бульваре в доме Засецкого открылся магазин A la ville de Paris мадам Вихман (Wichmann)¹²⁹, существовавший все следующее десятилетие¹³⁰. Она предлагала готовые изделия и принимала заказы на изготовление шляп, чепцов, эластических корсетов, визитных и свадебных платьев, мантилий, зимних салопов, детских платьев. Кроме того, в Тверской части Москвы существовало портное заведение дерптского мещанина Карла Густава Вихмана, он шил пальто, сюртуки, жилеты, фракы, брюки, шинели. В 1840 году мастер работал в доме Варгина и руководил 2 работниками и 2 учениками¹³¹. В начале 1852 года мастерская переехала в Газетный переулок в дом Бекетова¹³², и в ней было 5 работников и 5 учеников¹³³.

Рисунки мод из магазина Вихман. Реклама из газеты «Русский инвалид. Приложение». 7 апреля 1864 г.

Из нашего небольшого обзора видно, что наиболее известные и успешные модистки и торговцы тканями, платьем, обувью и галантерейными изделиями имели иностранное происхождение, среди них встречались французские, швейцарские, бельгийские подданные, выходцы из немецких и других земель. Современница рассказывала: «Улица, называемая Кузнецкий мост, издавна была заселена иностранцами: были французские и немецкие лавки. <...> Там торговали модным товаром, который привозили из чужих краев; были и свои мастерицы в Москве, но их обегали, и кто побогаче, все покупали больше заграничный привозной товар»¹³⁴. Другой очевидец писал: «Сожалея, должен я признаться, что большая часть лучших процветающих магазинов, так сказать, приучивших к себе покупателей, принадлежит иностранцам. <...> Благотетельными распоряжениями знаменитого московского градоначальника устройство цехов постепенно приходит в должный порядок, но, говоря справедливо, нельзя не сказать, что лучшие цеховые мастера еще до сего времени иностранцы»¹³⁵. Эта картина мало изменилась и к концу столетия: «Если пойти по Невскому проспекту или по Большой Морской, то дай бог увидеть одну вывеску с русским именем на двадцать вывесок с иностранными именами. Все лучшие, наиболее роскошные магазины принадлежат иноземцам»¹³⁶.

Реклама из издания: Коммерческий указатель города С.-Петербурга, составленный Викентием Кишкиным-Жгерским на 1831 год

Тем не менее в московских справочниках пушкинской поры можно обнаружить немало швей и портных с русскими фамилиями, но принято считать, что их изделия не отличались изяществом. Однако сохранившиеся отзывы современников позволяют утверждать, что и некоторые русские швеи пользовались успехом у взыскательной публики в обеих столицах. В Петербурге, например, славилась мастерская г-жи Соловьевой. В 1820-х годах современники отмечали московский «модный магазин русской, где шляпки, платья, все дамские наряды ознаменованы тонким вкусом, прекрасною отделкою. Это магазин г-жи Бажановой»¹³⁷. Ольга Александровна держала мастерскую на Софийской улице в доме Медынцева и, судя по объявлениям, сотрудничала с парижскими фирмами¹³⁸. Купчиха состояла в браке с Иоганом Федо-

ровичем Вернером «из иностранцев»¹³⁹, что, вероятно, способствовало успеху предприятия. Их ателье существовало по крайней мере до начала 1840-х¹⁴⁰.

Вездесущая «Северная пчела» неоднократно писала о чете Лапиных, имевших мастерскую на Большой Миллионной. «Одна русская художница, г-жа Лапина, делает искусственные цветы в Петербурге так хорошо, что они ни в чем не уступают парижским. <...> Выписав из Парижа все инструменты и получая из всех столиц новые образцы, г-жа Лапина занимается своим искусством как истинная художница, с любовью к своему делу и желанием совершенства»¹⁴¹. «Г-н и г-жа Лапины, содержащие магазин и фабрику искусственных цветов, дошли до высокой степени совершенства в сем роде промышленности, и произведения их фабрики могут в полном смысле заменить цветы парижские. Все, что появляется нового в столице Франции, немедленно поступает в продажу в магазине г-д Лапиных в том же самом виде, хотя сделано в Петербурге. Недавно изобретенное в Париже искусство наклеивать по крепу или атласу цветы в букетах и гирляндах, перенято г-жой Лапиной с удивительною точностью, и мы были свидетелями, что самые опытные знатоки не могли различить парижской работы с петербургскою. Верность рисунка, яркость красок и чистота отделки в трудах г-жи Лапиной приобрели бы ей уважение и в самом Париже, и вся разница между русским подражанием и французским вымыслом состоит в том, что русский товар едва ли не вдвое дешевле. Г-жа Лапина принимает всякого рода заказы, как для уборки головы цветами, так и для отделки платья гирляндами и букетами, по образцам или по рисункам. Имея достаточное число искусных работниц, она исполняет заказы в скорейшем времени. Иногородные могут выписывать от г-жи Лапиной как цветы, так и платья, которые будут пересланы скроенными и уложены безопасно от повреждения»¹⁴².

К середине столетия число наших соотечественников, занятых производством модной одежды, увеличилось, и русские имена стали чаще мелькать в различных публикациях. Журнал «Пантеон» писал в 1854 году: «Патриотки наши предпочитают теперь делать свои заказы мантилий, бурну[сов], визиток, манто и проч. у русских мастериц и в русском магазине, а не у француженок, как это до сих пор бывало. Это одна из самых отрадных мод. И действительно, разве эти мадамы и мадмоазели и до сих пор пожинали лавры и деньги не русскими руками? Все их искусство состояло только в ловкой французской болтовне, очень убедительной для легкомыслия. В Русском магазине в доме Энгельгард есть отделение дамских готовых вещей, где принимаются заказы на все возможные дамские наряды, и все эти наряды ничем не уступают в работе и доброте таким же произведениям, за которые... разные французские модистки запрашивают втридорога и которые они производят руками тех же самых мастериц, которые работают и на Русский магазин. Отделение это принадлежит Л. Шарову. За дешевизну и добросовестность можно поручиться»¹⁴³.

Похожие наблюдения находим и в журнале «Москвитянин»: «Здесь в Москве редкая женщина порядочного круга не знает Анну Ивановну Ребристову: платья, сшитые ею (по техническому выражению), сидят превосходно и удивительно спокойно. <...> Франтихи из среды мелкого чиновничества, небогатых помещиков, учителей, одним словом всего среднего малоденежного сословия, имеют своими модистками Прасковью Грациоти, Настасью Ежикову, Аграфену Ильину, Марью Татаринову, Воронкову и проч. и проч. <...> У некоторых из этих модисток бывает какое-то чутье изящное; иногда они безотчетно делают свое дело прекрасно; так небогатая швея Воронкова (на Спиридоновской улице, в доме Сонцева) делала платья некоторым моим знакомым, и почти всегда безукоризненно хорошо. <...>

Так я знала одну молодую, умную даму, она всегда была одета превосходно, я почитала ее страшной мотовкой и потом узнала, что она, беспрестанно выезжая, не пропуская ни одного сколько-нибудь значительного бала и праздника в Москве, издерживала на свой туалет не более шести сот руб. сер. в год.

Помилуйте, графиня, – она имела этот сиятельный титул, – да с вас Дюбуа (об этой известной в Москве мастерице будет сказано ниже. – *Авт.*) более этого переберет за фасон! – Дюбуа, мой друг? – отвечала она с улыбкой, – да я никогда не отдаю свои платья шить на Кузнецкий мост.

– А так на вас работает Ребристова?

– Совсем нет, я отдаю шить свои наряды Никитиной.

– Откуда вы выкопали такую мастерицу?

– Это не богатая портниха, она живет у Пречистенских ворот, в доме Штольц.

– И она вам отделяет все платья?

– Покрой ее превосходен. Что же касается до отделки и фасонов, то я сама получаю *Moniteur de la mode* и не скупаю толковать с моей портнихой, приказывая ей гарнировать мои наряды по моему вкусу»¹⁴⁴.

Автор, по-видимому, имеет в виду московскую мещанку Елизавету Поликарповну Никитину, «жившую в мастерницах у мадам Анет» и открывшую в 1837 году собственный магазин дамских уборов в Леонтьевском переулке в доме князя Юсупова¹⁴⁵. В 1840 году ее ателье держалось на 1 работнице и 4 ученицах¹⁴⁶. В 1860-х женская портниха Елизавета Никитина работала в Пречистенской части в доме Штольц¹⁴⁷. Адрес-календарь на 1874 год упоминал женскую швею мещанку Елизавету Никитину, имевшую мастерскую в Пречистенской части, 5-й квартал, дом Селезнева¹⁴⁸.

Москвичка Елена Ивановна Розанова достигла такого успеха в шитье дамских туалетов, что получила право именоваться поставщицей императрицы Марии Александровны¹⁴⁹. Модное заведение располагалось в собственном доме мастерицы на Маросейке. Она состояла в браке с купцом 2-й гильдии Алексеем Афанасьевичем Розановым, на начало 1874 года ему было 31 год от роду¹⁵⁰.

В повести «Купеческая дочка», опубликованной в 1854 году, русская Аграфена Терентьевна весьма успешно руководила небольшой мастерской, и к ней порой заглядывали благородные заказчицы. «Владея магазином со шляпками в одной, хотя довольно отдаленной части города, за Москвою рекой, она слыла в своем кружке, между мелким купечеством, известною «Маршанд де-модю», так все ее называли, так значилось и на вывеске магазина, пред которым раза два в год, а иногда и более, останавливалась карета, запряженная цугом. Стало быть, заезжали в магазин к Аграфене Терентьевне и важные барыни. Что за дело, любопытство ли заглянуть в магазин с курьезною вывескою, или мелкий расчет достать повыгоднее наряд, или отдать сшить подешевле незатейливое платье, привлекало к ней госпож, разъезжающих в каретах цугом, но гордая подобною честью. Маршанд де-мода, знала, что у нее были знатные барыни, соседи это видели, и если в подобный день кто-нибудь из них являлся к ней с просьбою вычистить, или переделать старый чепчик, она обыкновенно говорила: «Помилуйте, когда мне возиться с этим старьем, видите, за мною приезжают, вот еще сегодня приданое заказала графиня...» Фамилия ее не затрудняла, и первая графская фамилия выступала на сцену. Впрочем, несмотря на эту отговорку, старые чепцы и шляпки оставались в магазине для переделки, и ни одна работа не ускользала из рук сметливой магазинщицы. Но за то, в силу остановившейся у ее дверей кареты, лишний рубль перепадал в карман ловкой Маршанд де-моды. <...> Аграфена Терентьевна пользовалась большим уважением у родных, и советы ее принимались безоговорочно»¹⁵¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.